

3

За четыре года до Первой мировой войны в селе Алтайском Бийского уезда появился первый в России сиротский дом. Устроитель его, крестьянский сын Василий Ершов, дал ему имя «Муравейник». Двадцать семь лет детская коммуна жила как одна семья, содержалась на средства, которые зарабатывал Ершов и его муравьята.

Солдатик, вытолкнутый из родного дома нищетой, стал отцом сотням сирот.

Много лет назад я узнала о «Муравейнике» в командировке и, конечно, поехала в Алтайское. Ершовский приют был уже казенным детским домом. И мне охотно отдали дневники Василия Степановича, частью напечатанные на машинке, частью в виде бумажных лохмотьев. Ершов писал карандашом, очень мелким почерком, многое можно было прочитать только с помощью лупы. Недавно наконец-то дошли руки до тщательной расшивровки.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Василия Степановича Ершова. Фрагменты его дневника, ранее не публиковавшиеся, хочу предложить читателям «Родины».

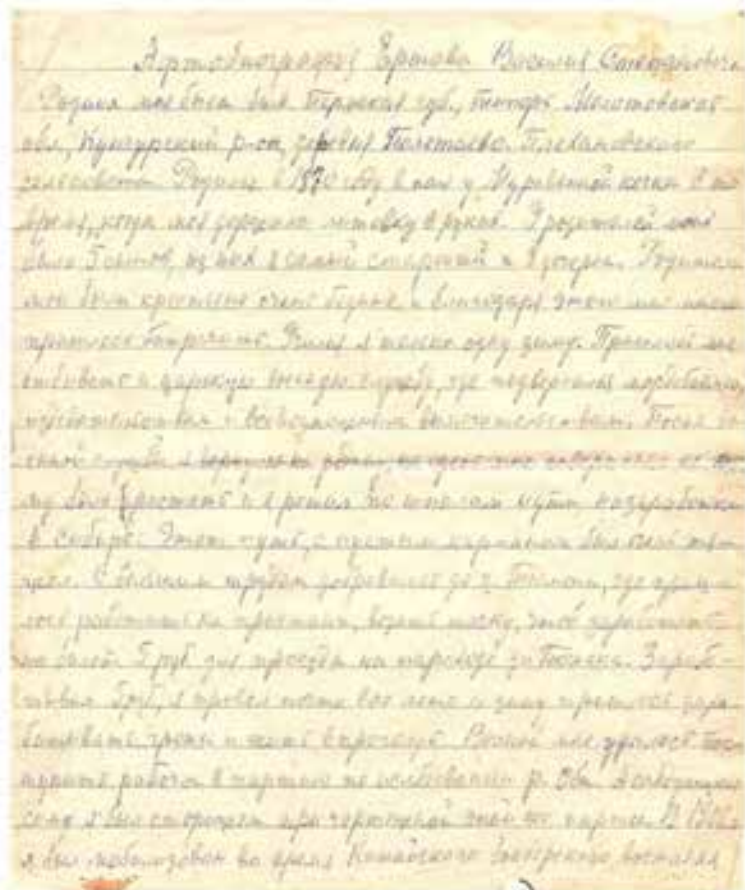
О себе

Я чувствую моральное тяготение, чтобы отдать отчет будущему поколению. И здоровье позволяет сделать эту работу. Мне семьдесят лет. Когда кто-нибудь осведомляется о моем состоянии здоровья, уверенно отвечаю: пока не требуется ни капитального, ни текущего ремонта.

Но, к сожалению, мой недостаток тот, что я малограмотный, и поэтому буду вас затруднять пониманием того, что пишу. Хотя мог я эти ошибки, выражения исправить с помощью образованного человека. Но я не хочу бросать пыль читателю в глаза и заводит его в заблуждение. Уверен, вы предпочтете написанную не так красивыми словами чистую правду, чем выраженную красивыми словами ложь.

В двух километрах от знаменитой Кунгурской ледяной пещеры Пермского края стоит деревушка Полетаево, там я родился в 1870 году 11 августа. Отец, Ершов Степан, был ямщик, но на добрую лошадь заработать так и не смог. У моих родителей было 12 человек детей. Дети шли один за другим. Отец ворчал на мать: «Сократилась бы ты, Федосья, я что, святым духом буду их кормить?» Из братьев я был старший. В деревне звали меня косой зайц, потому что мать родила меня в поле, когда литовской махала. В поле — значит, зайц, а он всегда косой.

Деревня наша была нищая, бедность и некультурность, как вековая плесень, царила среди ее жителей. Все образование мое — один класс сельской школы, остальные уроки были от жизни. Как солдат

И ПЕРВЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ В СЕЛЕ БЫЛИ НАШИ, И ЛОШАДКИ ДЕРЕВЯННЫЕ, И МОДЫ. ДЕТИ МОИ НЕ ХОДИЛИ В ОДИНАКОВОЙ ОДЕЖДЕ, КАК В СИРОТСКИХ ДОМАХ. Я САМ ШИЛ...

в участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае, домой возвращался кругосветным путем — через Японию, Цейлон, Суэцкий канал. Вернувшись домой, сразу сказал отцу и матери: «При такой бедноте дальше жить нельзя. Я пойду в Сибирь на золотые прииски». «Эх, сынок, — вздохнул отец, — не слышал ты пословицы «Кто золото мое, тот в голос воет»?»

Я пришел за золотом к устью Амура, его не нашел, зато руки у меня золотые стали. Я освоил портняжное дело, фотографирование плюс хорошо изучил сельское хозяйство. Семьи у меня не будет, это мое решение. Я женился на девушке из мещанской семьи, она была довольно красивой и грамотная. Жили мы бедно, даже оставались средства, которые я тратил на бесприоритетное, за что получал упреки. Ей хотелось жить только для себя. А мне хотелось и для людей.

Своих детей, после того, как одного ребенка мы потеряли, она уже не хотела иметь. И я решил со своей семейной жизнью покончить. В одном жена была права, в том, что разовая помощь сиротам мало им помогает.

Значит, надо делать приют.

***2.3**
Солдат Василий Ершов еще не знает, чему посвятит жизнь и свой дневник. 1904–1905 годы.

Дом

Приют я решил делать на Алтае, подальше от восточной границы, это на случай новой войны. А на Алтае больше всего понравилось мне село Алтайское, в 75 километрах от Бийска. Была осень 1909 года. Заняв хорошую квартиру, я начал портняжить. И вот в начале 1910 года мы с сестрой моей Таней взяли на воспитание двух круглых сирот, а через некоторое время еще троих.

Я прибил на дверь вывеску: «Детский приют Ершова В.С.» Это как громом ударило не только по нашему селу, но и по окрестным. Новость так быстро разошлась, что скоро не стало возможности всех приносимых детей принять.

Приют понемногу расширялся — даже при сопротивлении вредных элементов. У нас в селе образовалась сильная черносотенная организация, отделение русского Союза Михаила Архангела. Во главе ее стоял жандарм Саблин, который старался меня с детьми затянуть под свое крыло. Саблин уговаривал: если я соглашусь на его предложение, то он напишет государыне Марии Федоровне, руководительнице Союза, и она пришлет столько денег, сколько я захочу, для постройки больших зданий детского приюта, и о нем будет знать не только Сибирь, но и вся Россия.

«Верю вам, господин Саблин, — отговаривался я, — но я за большим не гонюсь. Может, такое обеспечение детского дома будет хуже для ребят, так как я приучаю их к труду. Чтобы вышли они от меня честными тружениками».

Хозяин дома, где мы жили, был с кулацкими наклонностями и не давал земли под грядки, а о посадке садовых деревьев и мечтать было нечего. И стал я задумываться, как бы построить свой дом. Летами я возил детей в поля, там они собирали ягоды, рвали цветы, купались. Как-то подвел их к большой кочке и говорю: «Глядите, ребята, какая интересная муравьиная кочка». — «А что тут интересного? Муравьи и муравьи». — «Ребята, эта кочка у них — общежитие, они в ней живут зимой и летом. Они ее сами сделали. Посмотрите только, как они трудятся». Ребята пригледелись и зашумели: «Да-да, они сильные, больше себя ношу таскают, да еще издалека. А затаскивают, ой, смотрите, на самый верх!» Муравьи живут хорошо, объясняю. Зимой не замерзают и не голодают. Они запасают себе еду на зиму, уносят ее вглубь земли.

С этими словами я промял в кочке ямку. Муравьи быстро забегали, как по тревоге, и стали ямку заделывать. «Если будете мне помогать, как эти вот муравьи, то и мы построим свой дом-общежитие».

Назавтра я сделал на вывеске добавление: «Детский приют «Муравейник» им. В.С. Ершова». Не понимал тогда, что если чьим-то именем называют дома и улицы, то, значит, человек этот уже умер, сейчас даже стыдно вспомнить, какой я сам-то был невежда.

Несмотря на то, что началась война, это был 1914 год, в том же году мы дом подвели под крышу. Какая была радость у моих муравьят, когда мы вошли в свое помещение!..

Сыны полка

Со стороны местного начальства нападки продолжались — в виде непредоставления сенокосных угодий. Если и давали участки, то самые неудобья, а налоги требовали, как с добрых земель. Что меня спасало — портняжное дело, это зимой. Конечно, работать приходилось по 16–18 часов, я обшивал чуть не все население Алтайского. И до того уставал сидеть, что мастерил себе табуретки с мягким сиденьем. Немало таких табуреток я «сносил». Когда дети во время обеда подставляли мне стул, я редко садился. Принимал пищу стоя, отдыхая от сидячей работы.

Летом нас подкармливал фотоаппарат. Фотография для наших мест была тогда еще редкостью, люди снимались с большим желанием. Но нас ждала беда. Мне передали приказ явиться на призывной пункт. Нет, не пойду на войну, думал я, пускай без меня воюют, куда мне девать тринадцать моих сирот? Я теперь, со своим домом, еще больше сирот наберу. Я рано поседел, борода у меня белая. Думаю, может, забудут обо мне? Но от солдатчины разве скроешься? Забрали меня в Бийск. И пришлось мне перевезти туда и ребят, снял комнаты у одной вдовы.

Ночами я дезертировал из казармы к ребятам. Дети прожили в Бийске больше года. И даже

ходили в школу. Главный был вопрос, чем кормить детей. Денег не хватало. И от большой беды я вдруг попал на счастливую мысль: если командир остатками от солдатского обеда кормит свою скотину, то дети имеют не меньшее право на эти объедки. И перевел свою коммуны на остатки от солдатского котла.

Когда я в первый раз принес котел из казармы, думал, ребята расстроятся — какково подеять чужие объедки? Но я не предвидел такой реакции — это была бурная радость. Ведь это — пища взрослых, она стала желанной для муравьят. Яша Усольцев, высатывая круглые свои глаза, восторженно заплясал: «Мы солдаты, мы солдаты!» Я шел к детям печально настроенный и с удивлением смотрел на своих муравьят. Все-таки за пять лет я не узнал своих детей, как следует, не смог угадать их реакцию!

Апрель, Май и Июня

Когда кончилась война, я был уволен как старший по службе. В селе сразу узнали, что я приехал, и скоро детей у меня стало больше, чем было раньше. В том числе набрались и большевские ребятки. Так что в «Муравейнике» работа закипела. В первую очередь мы осушили болото, подняли берег, направили ручеек, куда надо, и у нас получился пруд. Я выплеснул туда

ведро карасей, которые очень скоро развелись. А какая была радость, когда я привез из Бийска лодку! В нашем селе лодки ребята не выдвали. Дети сбежались к пруду со всего Алтайского, все желали поплавать.

И первые велосипеды в селе были наши, и лошади деревянные, и моды. Когда еду в город, обязательно что-нибудь интересное там подгляжу. Дети мои не ходили в одинаковой одежде, как в сиротских домах. Сажусь за платьце какой-нибудь девочке и обязательно спрошу, какое ей хочется. А то увидел в городе что-то чудное — пальто с муфтами. Да это же хо-

14
Дом «муравейник».

рошо! Дети варезки теряют, а тут руки, пока девочки идут в школу, в тепле. И красиво, и красоту ценю высоко. Сшил я пальтишки с муфтами, в селе моих девочек стали ершовскими барчатками называть. Вроде они как барские дети одеты.

Я ребят учу ремеслу. Они делали с охотой все, что я им поручал. Для грязных работ у них была спецодежда — платья или рубахи, сшитые из полотнищ матросских воротников. Большой тюк этой ткани мне удалось купить недорого. После работ в хлеву со скотиной или мытья полов дети обязательно переодевались в чистую домашнюю одежду. Была у них и праздничная одежда.

Детей приводили родственники, а то и подкидывали. Только в одном 1924 году нам подкинули пять малышей. Ваня приготовился доить корову (у нас взрослые дети все доили по очереди), вымыл руки и пошел к хлеву. А через минуту прибежал в испуге: там на крыльце

сырое, вдруг от моего тела дети получают инфекцию? И я решил в целях гигиены и борьбы с религиозными обрядами добиться кремации моего трупа.

Вот выписка из протокола Алтайского райсполкома от 17 сентября 1932 года:

«СЛУШАЛИ: заявление руководителя деткоммуны «Муравейник» тов. Ершова о даче ему обязательства в случае его смерти труп сжечь в крематории и урну с прахом похоронить на его усадьбе.

ПОСТАНОВИЛИ: принимая во внимание заслуги тов. Ершова, президиум постановил: для воспитания беспризорников и в целях внедрения в деревне практики сожжения трупов вместо религиозных похорон, президиум берет на себя ответственность просьбу тов. Ершова выполнить».

В войну в Алтайское привезли детей из блокадного Ленинграда. Мы помогли им, как могли, продуктами и вещами. К ним часто ходили

лежит сверток, Ваня хотел его поднять, а сверток пшигит!

Оказалось — мальчик. Господи, да он, поди, всю ночь лежал на холоде! Завернул я его в теплую простынку, согрел молоко, развел подслащенной водой, надел на бутылочку соску — шьет! Назвали Апрелем, по месяцу его появления у нас. Потом Май появился. Следующего подкидыша пришлось назвать Юней, все звали девочку Юней.

Ночной бой

Мою работу большинство людей одобряло. Меня награждали грамотами, выбирали в почетные комиссии. Это требовало большой ответственности. А тут у меня начались сердечные приступы. Сердце вдруг гулко застучит. Что будет с «Муравейником», когда умру? Лежать я хотел бы у себя в саду. Но место у нас низкое,

наши ребята, делали концерты, вместе книги читали. Детей из Смоленска поселили у нас. Они были дистрофики, измученные, травмированные. Мои ребята встретили их, как своих. В войну мы все обеднели. Что такое было кушать сотню зимних ботинок!.. Об этом и мечтать не приходилось. Но я организовал свою шимокатную мастерскую, валенки хорошо грели ноги моих детишек.

Была у нас страшная история. В 1947 году к нам привезли семьдесят сирот-немцев с Поволжья. И сразу же наши муравьята решили их уничтожить. Я в то время был в крае на совещании директоров детдомов, а воспитатели не толковали детям, что немцы-то это наши, советские, русские, можно считать. Но дети ничего этого не принимали. Одно слово — немец — вызывало у них бешеную злобу. И ночью пошли на новичков врыкопашную. Свет тогда у нас был от керосиновых ламп, они стояли в коридорах на полочках. Ламп

*5-8

Будни удивительной
детской коммуны.

ны сразу слетели на пол, и в темноте начался настоящий бой. На помощь была вызвана милиция, райкомовские работники и даже колхозные трактористы. Мало того, пришлось вызывать и пожарную команду. У многих ребят на всю жизнь остались шрамы с той ночи.

Встреча с Калининным

Успех в учебе, как и труд, у нас означивался. Мы сделали свою сберкассу, такую тетрадочку, где отражались все доходы и расходы воспитанников. Выходя из «Муравейника», дети получали все свои деньги, и это было большим подспорьем в их жизни.

Листаю страницы нашей сберкассы и думаю, как же ребята много работали, как скромно тратили свои деньги. Первая страница — Юля, шестой класс. Приход: за танец «Тарантелла» на райониминаде 25 р., за поделку кизяков — 3 р. 50 коп., за участие в сенокосе 18 р., за про-

в кабинете Калинин обходит свой стол и здоровается со мной за руку. «Я просмотрел вашу биографию, — говорит. — Вы большое дело делаете, сколько детей у вас сейчас?» — «Да только двадцать три человека». — «И вам еще мало кажется? А каково ваше здоровье?» — «Хорошо себя чувствую. Были небольшие припадки, они как будто изживают». — «Так вот, товарищ Ершов! У меня пожелание, чтобы ваша коммуна увеличилась до пятидесяти человек». — «Хорошо, Михаил Иванович, я постараюсь».

Долго я думал о своем поступке. И в дороге, и дома это меня тяготило. Да как и буду увеличивать количество? Наберется ли столько детей? Да ведь у меня нет помощника! Правда, ребята мне хорошо помогают и среди них есть и большевики...

В ноябре крайоно мне сообщило, что детской коммуне «Муравейник» государство дает 25 тысяч рублей для постройки большого дома. И дом надо построить в короткое время. Но за

воду 2 р. 50 коп., за хорошую учебу 5 р., за заведение детским садом 48 р. 80 коп. (Мальши у нас были выделены в отдельную группу, называли мы это детский сад. И старшие дети помогали воспитателю). Расход: конфеты 1 р., кино 35 коп., привои 2 р., мороженое 1 р., пожертвование на МОПР 3 р., в фонд обороны Кр. Армии 15 р., на подарок папе 16 р...

Воспитанники сами выразили желание сделать мне подарки, и я не протестовал, пусть это поможет развивать в них заботливость о других.

В 1935 году я был принят Михаилом Ивановичем Калининным. На мою просьбу о приеме у Калинина очень строго обратили внимание. «Скажите нам к Михаилу Ивановичу? Кто вы такой?» Я говорю, организатор детской коммуны. Также мое заявление вызвало интерес, но когда узнали, что коммуна негосударственная, запротестовали: «Негосударственностью Михаил Иванович не занимается». Я настоял на своем.

БЫЛА У НАС СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ. В 1947 ГОДУ К НАМ ПРИВЕЗЛИ 70 СИРОТ-НЕМЦЕВ С ПОВОЛЖЬЯ. И СРАЗУ ЖЕ НАШИ МУРАВЬЯТА РЕШИЛИ ИХ УНИЧТОЖИТЬ...

деньгами в крайфинотдел я вырвался только в конце года. Прошу выдать средства поскорее, надо заготавливать лес, пока можно ездить на санях! А меня огорошивают: получить деньги сможете только в марте месяце следующего года. Ох, плохо дело. Это на целый год затягивает строительство. Что на это скажет Михаил Иванович Калинин?

В те годы богатые мужики стали продавать свои дома, хорошие, крепкие. Продавали дешево. И я стал покупать их на свои деньги. А не-

которых удалось уговорить подождать оплаты до марта. И к началу года у меня на место будущей стройки было свезено несколько разобранных домов. Вот вам и лесоматериал. А уж дальше дело пошло.

«Хлебное место»

Когда здоровье мое стало сдавать, и задумался: кому передать заведование «Муравейником»? Выбирать мне было не из кого. И место заведующего занял совсем чужой человек Устинова Зоя Поликарновна. Ох, как нравилось Устиновой управлять «Муравейником»! Но не нравилось, что рядом я, инструктор по труду. И она задалась целью меня как-нибудь отдалить. И что же? Через полгода я уже не был инструктором. В крайисполкоме, узнав такое дело, велели немедленно восстановить меня на работе.

Но Устинова не останавливалась злоупотреблять. Я сделал для себя открытие: детский дом — хлебное место. Пока я углубленно занимался инструкторским делом, она построила в «Муравейнике» свою систему. С некоторого времени наша коммуна стала получать от государства на 100 детей 700 тысяч рублей в год. А детей бывает то 100, то гораздо меньше. Излишки мы всегда тратили на развитие хозяйства.

Устинова же расширяла круг обслуживающего персонала, я и не заметил, как их набралось уже 35 человек. Вот куда денежки идут! И на это повлиять не могу...

Для меня это большая обида.

Итоги

Когда в 1944 году я получил орден Ленина, приехал корреспондент «Комсомольской правды», целую страницу газета нам посвятила. В «Муравейник» пошли письма, из центральных областей, из Латвии, с Дальнего Востока, Туркестана, из Красной Армии. Все просили отчета и снимков из жизни «Муравейника».

Написать всем я, конечно, не мог. Сейчас, когда свободное время у меня появилось, я бы ответил на все вопросы так. Я горжусь своей работой. Ведь я организовал деткоммуну еще во времена царского строя, я тогда еще читал по слогам и не мог Маркса от Марса отличить. Мой путь тернист и труден. Но я пробил себе дорогу, научился зарабатывать хорошие деньги и двадцать пять лет не брал с государства ни копейки.

Я среди детей был как старший товарищ, лучший друг и воспитатель. Эта идея неподдельно чисто моя. И подписал бы свое письмо: «Старый Муравей Ершов».

1940-1

*9
Василий Степанович
и его Ершovy.

*10
Последний приют
Воспитателя.

За год до смерти (Ершов умер в 1957 году) его переместили в Бийский дом персональных пенсионеров. Буквально перевезли. Жители Алтайского рассказали мне, что он «критиковал» в районо директора «Муравейника» (тогда это был, гонимый, сильный мужчина, он лобом на старика заталкивал и отомстил). Василий Степанович маялся без детишек, в казенном доме (кроме него в комнате жили еще четверо); приезжал в «Муравейник», там ему места не находилось.

Похоронен Ершов на кладбище в Алтайском. Ограда, стандартный железный памятник. Об обязанности предать его тело кремации и похоронить в саду рядом с «Муравейником» никто и не вспомнил.

Среди воспитанников Василия Степановича, называвших его папой, не было знаменитостей — воспитатель, врач, садовник, инженер, слесарь, летчик, милиционер. Каждому, кто не знал свою фамилию, он давал собственную. Из «Муравейника» ушли во взрослую жизнь 114 Ершовых...